

Интервью с И.В. Ковалевым: две трактовки фактов истории

© 2014

С. Гончаров

В статье видного российского дипломата и ученого опровергаются искажения исторической правды, появившиеся в недавнем прошлом на страницах китайских научных изданий в связи с оценками интервью представителя Политбюро ЦК ВКП(б) в Китае И.В. Ковалева, опубликованного в ПДВ в начале 1990-х гг.

Ключевые слова: И.В. Сталин, Мао Цзэдун Гао Ган, Ши Чжэ, Маньчжурия, КНР, СССР.

В 1991 г. я опубликовал в журнале «Проблемы Дальнего Востока» интервью с И.В. Ковалевым, одним из выдающихся советских деятелей сталинской эпохи, первым министром путей сообщения СССР во время Великой отечественной войны и представителем Политбюро ЦК ВКП(б) при Политбюро ЦК КПК (фактически — личным представителем И.В. Сталина при Мао Цзэдуне) в 1949—1950-х гг. Вскоре в Китае вышла статья, в которой опровергались или ставились под сомнение многие факты и события, о которых говорилось в этом интервью. Еще один материал с еще более жесткими опровержениями был обнародован в КНР в 2012 г. Выражаю признательности редакции журнала за возможность ответить критикам спустя 20 лет после первоначальной публикации, когда появились материалы, позволяющие более точно воссоздать некоторые важнейшие события, происходившие в отношениях между СССР и Китаем в 1948–1950 гг.

В качестве заведующего сектором ИДВ АН СССР зимой 1990 — летом 1991 гг. мне посчастливилось неоднократно встречаться с И.В. Ковалевым. Сведения, полученные в результате этих встреч, были опубликованы в «Проблемах Дальнего Востока» в конце 1991 г.¹

В марте 1992 г. я перешел из ИДВ на работу в МИД России. В июле 1993 г. вместе с семьей мы прибыли в Пекин, где до августа 1997 г. я работал советником, а затем старшим советником российского посольства. В начале октября 1993 г. госпожа Ли Хайвэнь организовала для меня и А.И. Денисова (тогда — советника Посольства РФ в КНР, в настоящее время — Посла РФ в Китае) встречу с Ши Чжэ (1905–1998) — личным переводчиком Мао Цзэдуна, который в 1950-е гг. работал с И.В. Ковалевым.

Гончаров Сергей Николаевич, кандидат исторических наук, профессор Восточно-Китайского педагогического университета (Шанхай) и Университета международных отношений (Пекин). E-mail: goncharovsn@gmail.com.

Г-жа Ли Хайвэнь является видным историком, долгое время проработала в архивно-исторических подразделениях ЦК КПК, имеет доступ к закрытым документам самого высокого уровня. Ши Чжэ в конце 1940-х — начале 1950-х гг. переводил все переговоры Мао Цзэдуна со Сталиным, другими высшими руководителями СССР. Он являлся, пожалуй, единственным человеком, способным подтвердить или опровергнуть верность сведений, сообщаемых И.В. Ковалевым. В то время, когда архивы еще не были открыты, книги Ши Чжэ были едва ли не главным источником сведений о событиях того периода.

В феврале 2013 г. в Пекине во время нашей встречи с Ли Хайвэнь, спустя почти 20 лет после беседы с Ши Чжэ, она передала мне сделанную ею запись той беседы. Позволю привести здесь перевод части этого документа:

«Книга «Рядом с великанами истории — воспоминания Ши Чжэ»² оказалась крупным успехом. <...> Однако я должна сказать, что воспоминания нужно использовать осторожно. Например, согласно воспоминаниям Ши Чжэ, Лю Шаоци отправился из Пекина в Москву 2 июля 1949 г., но в «Хронологической биографии Лю Шаоци» на основе новых данных установлено, что он отправился в путь 21 июня³. Кроме того, в шестом номере журнала «Проблемы Дальнего Востока» за 1991 г. были опубликованы отредактированные Гончаровым воспоминания руководителя группы советских специалистов в Китае Ковалева. Там говорится, что Гао Ган поставил лично перед Сталиным вопрос о том, что нужно сделать китайский Северо-Восток 17-й союзной республикой Советского Союза. 14 февраля 1992 г. издание «Ситуация в Восточной Европе и Центральной Азии», публикуемое Институтом по изучению СССР и Восточной Европы Академии общественных наук КНР, опубликовало выдержки из этого интервью. После того как Гун Юйчжи⁴ прочел этот материал, он позвонил мне 6 марта 1992 г. и сказал, что, по его мнению, слова Ковалева сравнительно точны (запись телефонного разговора с Гун Юйчжи). 9 марта 1992 г. я посетила Ши Чжэ в его квартире, расспросила об этой ситуации, и он однозначно опроверг высказывания Ковалева. Поскольку я читала телеграммы, которые Лю Шаоци отправлял в ЦК КПК находясь в Советском Союзе, а там не говорилось о данном инциденте с Гао Ганом, я поверила словам Ши Чжэ, написала статью «Неточности в воспоминаниях Ковалева — запись беседы с Ши Чжэ», а также попросила Ши Чжэ прочесть и проверить ее.

Летом 1992 г.⁵ Гончарова перевели в Пекин на работу в российское Посольство, назначили советником по политическим вопросам⁶. 24 сентября 1993 г. директор Исследовательского института компании СИТС Пи Шэнхао⁷ поспособствовал тому, чтобы я вместе с Чжан Си, который являлся членом рабочей группы по написанию биографии Пэн Дэхуая и специалистом по истории «войны сопротивления Америке и помощи Кореи», встретилась с Гончаровым и экономическим советником посольства Денисовым⁸. После этого 5 октября 1993 г. мы все вместе навестили Ши Чжэ. Мы снова задали Ши Чжэ вопросы и обсудили эту проблему (о присоединении Маньчжурии к СССР. — *С.Г.*). Ши Чжэ тут же все категорически опроверг, заявил, что Гао Ган такого не говорил. Когда вышли, то Гончаров сказал: «Если говорить о Ковалеве и Ши Чжэ, то эти два старца не слишком ладили друг с другом»⁹.

Моя (т.е. Ли Хайвэнь. — *С.Г.*) статья «Неточности в воспоминаниях Ковалева — запись беседы с Ши Чжэ» 15 февраля 1993 г. была опубликована в первом номере журнала «Справочные материалы для изучения источников по отечественной истории». После этого она была перепечатана в журнале «Личности» и в американском журнале «Historian». В качестве приложения она вошла в опубликованные в Японии воспоминания Ши Чжэ. Влияние, которое оказала данная публикация, было сравнительно значительным...».

Содержание беседы изложено в этих заметках Ли Хайвэнь достаточно точно.

Хотел бы отметить, что в упомянутой критической статье Ли Хайвэнь, посвященной разбору интервью И.В. Ковалева, приводится следующее высказывание Ши Чжэ: «Ковалев не принимал никакого участия в переговорах между Лю Шаоци и Сталиным, поэтому он не знает, как прошли эти переговоры»¹⁰.

Как следует из публикации Ли Хайвэнь, Ши Чжэ также категорически опроверг сообщение И.В. Ковалева о том, что во время встречи со Сталиным летом 1949 г. Лю Шаоци официально снял выдвинутое Мао Цзэдуном предложение о том, чтобы СССР помог НОАК подводным флотом и авиацией с целью разгрома гоминьдановских сил на Тайване¹¹.

После появления этой публикации Ли Хайвэнь я в силу недостатка времени и источников не мог дать серьезный ответ по существу на утверждения Ши Чжэ о недостоверности высказываний И.В. Ковалева, которые были обнародованы при моем участии. Я сознавал и свою ответственность перед американскими соавторами, поскольку в книге, изданной Стэнфордским университетом в 1993 г. уже после публикации статьи Ли Хайвэнь, широко использовались сведения из интервью И.В. Ковалева, в том числе и те, которые прямо опровергал Ши Чжэ¹². Кроме того, статья в определенной степени подрывала доверие специалистов к интервью И.В. Ковалева как к историческому источнику.

В середине 2012 г. в популярном среди китайской интеллигенции журнале «Исторические хроники императоров Яня и Хуана — прародителей китайской нации» появилась статья г-жи Ли Цзе с критическим разбором интервью И.В. Ковалева¹³, написанная в откровенно враждебном тоне. В придачу к сюжетам о предложении Гао Гана сделать Северо-Восточный Китай 17-й республикой СССР и отказе Лю Шаоци от прямой советской военной помощи в «освобождении» Тайваня Ли Цзе также опровергает содержащиеся в интервью И.В. Ковалева сведения о недовольстве Мао Цзэдуна тем, что в Маньчжурии вывешивали только портреты Сталина, но не высшего китайского руководителя. Ли Цзе жестко критикует подготовленный И.В. Ковалевым в декабре 1949 г. и переданный Сталину доклад о политике китайского руководства, который она считает клеветническим.

Во время упомянутой встречи, состоявшейся в Пекине в феврале 2013 г., Ли Хайвэнь сообщила, что г-жа Ли Цзе является дочерью Гао Гана. Эмоциональность в ее «обличениях» в адрес И.В. Ковалева, возможно, была вызвана стремлением оправдать ее отца, который очень плотно сотрудничал с российским представителем и был позднее подвергнут репрессиям, которые довели его до самоубийства.

В самом начале 2013 г. в том же журнале «Янь Хуан чуньцю» была опубликована статья бывшего заместителя начальника исторического департамента Академии военных наук КНР Ли Вэйминя, в которой спокойно и обоснованно опровергались основные тезисы статьи Ли Цзе¹⁴. Именно после этого один из китайских друзей помог мне организовать встречу с Ли Хайвэнь и Ли Вэймином в начале февраля 2013 г., в ходе которой выявились факты, позволившие по-новому оценить достоверность сведений, содержащихся в интервью с И.В. Ковалевым.

В своей статье Ли Цзе несколько раз повторяет, что И.В. Ковалев был **обыкновенным техническим специалистом, не допущенным к обсуждению политических вопросов**, и потому просто не мог располагать сведениями относительно обмена мнениями между советскими и китайскими руководителями по наиболее важным и острым политическим проблемам. Посмотрим, каким же был реальный статус И.В. Ковалева, исходя из недавно обнародованных документов.

Согласно воспоминаниям И.В. Ковалева, после личной беседы с И.В. Сталиным он прибыл в Китай в начале июня 1948 г.¹⁵ В официальной переписке И.В. Ковалев впервые упоминается 6 ноября 1949 г. В качестве высокопоставленного специалиста-железнодорожника он был командирован в Маньчжурию с задачей содействовать восстановлению мостов на Китайской Восточной железной дороге и ее функционирования. Вплоть

до начала февраля 1949 г. в обязанности И.В. Ковалева действительно входило в основном руководство инженерно-хозяйственной деятельностью советских специалистов в Северо-Восточном Китае¹⁶.

Китайская сторона выразила полное удовлетворение проделанной под руководством И.В. Ковалева работой. Связь между Сталиным и Мао Цзэдуном обеспечивалась тогда через А.Я. Орлова (по-шифровке — Теребина), генерал-майора медицинской службы, хирурга и, очевидно, сотрудника советской военной разведки. А.Я. Орлов, прибывший в столицу китайских коммунистов г. Яньань в январе 1942 г., был обязан не только следить за здоровьем Мао Цзэдуна, но и обеспечивать его связь со Сталиным через специально доставленную из Москвы радиостанцию. А.Я. Орлов возвратился в Москву в середине 1949 г.¹⁷ В телеграфной переписке он именовался «связником ЦК ВКП(б) с ЦК КПК»¹⁸.

Учитывая стратегическую важность китайского направления в политике Москвы и стремительно возрастающие шансы на полную победу китайских коммунистов в войне против Чан Кайши, советское руководство стало задумываться о повышении уровня своего представителя при Мао Цзэдуне.

В декабре 1948 г. И.В. Ковалев возвратился в Москву и доложил о своей работе в Китае лично И.В. Сталину¹⁹. В конце января — начале февраля 1949 г. штаб-квартиру Мао Цзэдуна в местечке Сибайпо (пров. Хэбэй) секретно посетил А.И. Микоян — самый высокопоставленный из когда-либо до этого контактировавших с КПК представителей руководства СССР. В своем отчете о визите, представленном в Президиум ЦК КПСС 22 сентября 1960 г., А.И. Микоян, в частности, отметил, что «...со мной вместе был в Китае б. министр путей сообщения Ковалев, намечавшийся тогда в качестве нашего представителя при ЦК КПК...»²⁰. И.В. Ковалев принял участие во всех встречах и беседах А.И. Микояна с Мао Цзэдуном и другими китайскими руководителями²¹.

13 марта 1949 г. в Москву ушла первая шифровка, в которой должность И.В. Ковалева была обозначена как «представитель ЦК ВКП(б) при ЦК КПК»²². Статус Ковалева, конечно же, был качественно более высоким, чем статус его предшественника А.Я. Орлова. Особенно возросло значение этого поста после переезда китайского руководства из Сибайпо в Бэйпин (Пекин) и начала активной деятельности китайских коммунистов по строительству основ собственной системы государственного управления²³. В апреле-июне 1949 г. именно через Ковалева осуществлялся обмен мнениями между Мао Цзэдуном и Сталиным по важнейшим вопросам политико-стратегического характера²⁴.

Генеральный консул СССР в Бэйпине С.Л. Тихвинский был официально аккредитован при гоминдановском правительстве, которое в ходе гражданской войны терпело одно поражение за другим от войск КПК, и не мог поддерживать контакты с высшими руководителями КПК. Ему приходилось ограничиваться написанием докладов министру иностранных дел А.Я. Вышинскому. В июне — августе 1949 г. состоялся секретный визит в Москву высокопоставленной китайской делегации во главе с Лю Шаоци. Он сыграл огромную роль в подготовке к основанию Китайской Народной Республики, а также в установлении и развитии ее отношений с СССР. И.В. Ковалев сопровождал делегацию в поездке. Утверждение Ши Чжэ, что советский представитель не принимал никакого участия в переговорах И.В. Сталина с данной делегацией и потому не мог иметь никакого представления о содержании бесед²⁵, полностью опровергается недавно обнародованными советскими источниками (записи секретарей Сталина о посетителях его кабинета, записи бесед Сталина с делегацией Лю Шаоци)²⁶. Если судить по китайским источникам, в период визита в Москву делегации Лю Шаоци И.В. Ковалев пользовался высочайшим авторитетом среди руководителей КНР. В адресованной Лю Шаоци, Гао Гану и Ван Цзясяну шифровке от 4 августа 1949 г. Мао Цзэдун назвал советского представителя «старшим братом Кэ», а так обращаются только к особо уважаемым и доверенным людям из

«ближнего круга»²⁷. В то время И.В. Ковалев играл роль и главного представителя Сталина при Мао, и руководителя группы советских специалистов в КНР.

Более сложным стало положение И.В. Ковалева после того, как 16 октября 1949 г. первый советский посол в Китае Н.В. Рошин вручил верительные грамоты Мао Цзэдуну²⁸. Естественно, что после этого именно посол замкнул на себя обсуждение с китайскими руководителями важнейших политических проблем двусторонних отношений²⁹.

Вместе с тем, и после начала работы Н.В. Рошина в Пекине Мао Цзэдун по-прежнему продолжал доводить важнейшую информацию (например, предложения о сроках поездки Председателя КНР в Москву) до Сталина через И.В. Ковалева³⁰. А.Я. Ледовский отмечает, что в этой связи у И.В. Ковалева возникли проблемы: «После образования КНР И.В. Ковалев продолжал некоторое время возглавлять группу советских специалистов. Однако, имея прямую связь с Москвой, он по-прежнему считал себя личным представителем И.В. Сталина, не согласовывал свои действия с послом Н.В. Рошиным. Это побудило Рошина доложить об этом в Москву. Сталин направил в Китай комиссию для проверки деятельности И.В. Ковалева и советских специалистов, по итогам работы которой И.В. Ковалев был отозван из Китая»³¹. В другой своей работе А.М. Ледовский пишет о том, что комиссия для проверки деятельности И.В. Ковалева была направлена по просьбе «советских директивных органов» в связи с ведением последним расточительного, барского образа жизни на фоне вопиющей бедности китайского населения. Как указывает А.М. Ледовский, по итогам проверки И.В. Ковалев был заменен на И.В. Архипова³².

В данный момент я не располагаю дополнительными данными об итогах деятельности комиссии, о которых упоминает А.М. Ледовский. Могу только отметить, что И.В. Ковалев не был «отозван» из Китая. Он, исходя из личного распоряжения И.В. Сталина, не вернулся в Пекин после того, как отправился в Москву, сопровождая делегацию во главе с Мао Цзэдуном, причем источники называют в качестве причины не его трения с Н.В. Рошиным или слишком роскошный образ жизни³³.

На самом деле И.В. Ковалев был включен в группу лиц, сопровождавших высшего китайского руководителя в поездке в Москву, по личной просьбе Мао Цзэдуна³⁴. Стремясь доказать свою компетентность и нужность не только как руководителя группы специалистов, но и как политического представителя Сталина, он составил подробный доклад о ситуации в КНР, в значительной степени полагаясь на материалы, предоставленные Гао Ганом, у которого разгорался конфликт в борьбе за власть и влияние с Лю Шаоци и Чжоу Эньлаем.

Во время пребывания китайской делегации в Москве Иван Владимирович дважды по указанию Сталина приезжал к Мао на дачу в Кунцево для проведения бесед³⁵.

Вместе с тем, нужно признать, что статус И.В. Ковалева во время визита Мао Цзэдуна в Москву явно снизился по сравнению с переговорами, которые вел здесь Лю Шаоци летом 1949 г. На сей раз состоялось три раунда переговоров между Мао Цзэдуном и Сталиным — 16 и 24 декабря 1949 г., а также 22 января 1950 г. Ковалев не принимал участия ни в одной из этих встреч. Вместе с тем, посол Н.В. Рошин принял участие в важнейшей встрече 22 января 1950 г., на которой детально обсуждалось содержание двусторонних советско-китайских документов готовившихся к подписанию.

Совершенно обосновательными являются утверждения некоторых китайских авторов о том, что И.В. Ковалев был всего лишь техническим специалистом, не имел доступа к переговорам по важнейшим политическим вопросам. Иван Владимирович был участником обмена мнениями между Сталиным и Мао по самым деликатным проблемам и потому сообщаемые им сведения обладают уникальной ценностью.

Прежде всего хотелось затронуть такой острый вопрос, как просьбы китайского руководства к советскому оказать военное **содействие в разгроме гоминьдановских войск на Тайване**.

Во время визита Лю Шаоци в Москву 4 июля 1949 г. И.В. Сталину был направлен подробный доклад о ситуации в КНР с просьбами о содействии в различных областях³⁶. В нем отмечалось, что «Формоза» (т.е. Тайвань) может быть освобождена от гоминьдановцев в течение 1950 г. или раньше. В этом документе не содержалось просьб о советском военном содействии.

Такая просьба, судя по всему, впервые была сформулирована в телеграмме, которую Мао Цзэдун направил Лю Шаоци 25 июля 1949 г. для передачи Сталину³⁷.

Есть все основания полагать, что именно обеспечение советской поддержки разгрома сил Чан Кайши на Тайване было основной темой данной телеграммы. Мао Цзэдун предусматривает два варианта советского содействия «освобождению Тайваня». При «минимальном» варианте предполагалось, что Советский Союз будет содействовать «взятию Формозы» поставками авиационных и военно-морских вооружений, а также ускоренной подготовкой управляющих ими специалистов. Второй, «максимальный» вариант фактически предполагал прямое участие советских ВВС и ВМФ (под флагами НОАК) в боях с силами Чан Кайши за Тайвань. Крайне важно обратить внимание на то, что второй (безусловно предпочтительный для Мао Цзэдуна) вариант предполагалось задействовать в случае, если получит дальнейшее развитие антиимпериалистическое движение и если в Америке и Англии «вспыхнет экономический кризис». Мао Цзэдун также просил Сталина оценить возможность того, насколько такое прямое включение в конфликт способно «причинить вред взаимоотношениям между Америкой и СССР».

Полагаю, что мы можем попробовать понять глубинный смысл предложения Мао Цзэдуна, обратившись к содержанию интервью И.В. Ковалева.

Там, в частности, сообщалось, что в конце февраля — начале марта 1949 г. Ковалева посетил Лю Сяо — коммунист-подпольщик из Шанхая (в 1950-х гг. он стал послом КНР в Москве). Лю довел до советского представителя сверхсекретные американские планы по развязыванию «азиатского варианта» третьей мировой войны, в соответствии с которым, в частности, предполагалось нанесение массированных ядерных ударов по многочисленным целям в Маньчжурии, Приморье и Сибири. Сталин после длительных размышлений следующим образом ответил на данную информацию:

«Война невыгодна империалистам. Кризис у них начался, они воевать не готовы. Атомной бомбой пугают, мы ее не боимся. Материальных условий для нападения, для развязывания войны нет... Сейчас дело обстоит так, что Америка меньше готова для нападения, чем СССР для отпора. Так обстоит дело, если анализировать с точки зрения нормальных людей — объективных. Но в истории есть ненормальные люди. Военный министр США Форрестол страдал галлюцинациями. Мы готовы к отпору».

Далее И.В. Ковалев сообщил, что в беседе с Лю Шаоци, состоявшейся в июле 1949 г., Сталин заявил, что «Советский Союз сейчас достаточно силен, чтобы не бояться ядерного шантажа со стороны США»³⁸.

18 июля 1949 г. Лю Шаоци направил в Пекин подробный отчет о комментариях Сталина к докладу китайской делегации, которые были сделаны советским лидером во время заседания Политбюро ЦК ВКП(б) 11 июля 1949 г. В этой телеграмме приводятся весьма любопытные сталинские оценки тогдашней ситуации в мире³⁹.

Оценивая международную обстановку, Сталин задавался вопросом "может или нет разразиться война?" Он утверждал, что с точки зрения экономических условий, с точки зрения подготовки США к войне (империализм еще не подготовился к войне), сейчас империализму невыгодно воевать с Советским Союзом. Если исходить из нормальных законов исторического развития, то в настоящее время не должно быть войны". Однако он не исключал такой возможности. На вопрос Лю Шаоци «Существует ли возможность компромиссного решения различных важных проблем, существующих в настоящее время между Советским Союзом, с одной стороны, и США, Англией — с другой».

Сталин сказал: «Это очень трудно. Некоторые второстепенные вопросы можно решить, но важные вопросы решить очень трудно. <...> В борьбе с реакционными группировками мы используем метод их изоляции, используем различные массовые организации и форумы, чтобы в различных государствах, в том числе и в США, вести борьбу, направленную на разоблачение и пропаганду. Это играет очень большую роль. В дальнейшем мы продолжим поступать таким образом.

В настоящее время США и их политика приводят к тому, что проблемы решить невозможно. <...> Если в США будет новое правительство и новая политика, то советско-американские отношения, возможно, улучшатся. <...> Если империализм захочет воевать, то будем воевать, они будут применять ядерное оружие и мы будем применять ядерное оружие."

Высказывания Сталина в данном авторитетном китайском источнике даже в деталях совпадают с их изложением в интервью Ковалева, которое было обнародовано за пять лет до публикации этих документов.

Все эти стратегические выводы Сталина вполне могли совершенно по-разному пониматься самим советским руководителем и Мао Цзэдуном. Сталин исходил из того, что в ситуации «разразившегося кризиса» и, осознавая готовность СССР к тому, чтобы «дать отпор», США не пойдут на неспровоцированное, полностью инициированное в Вашингтоне нападение на Советский Союз. В силу этого Сталин полагал важным принимать все необходимые меры, чтобы со своей стороны не спровоцировать Америку на агрессивные действия⁴⁰.

В свою очередь Мао Цзэдун мог расценивать высказывания Сталина как свидетельство того, что в это время СССР стал настолько силен, что США (в результате развития антиимпериалистического движения и «разразившегося кризиса») не осмелятся выступить против СССР даже в случае активных действий последнего, направленных на подрыв геополитических позиций Соединенных Штатов. Поэтому Москве не стоит опасаться ухудшения отношений с Вашингтоном. В силу этого Мао, очевидно, реально рассчитывал на то, что Сталин может оказать прямую поддержку «силовому решению тайваньского вопроса», пойдет на «максимальный вариант» содействия КНР.

Сталин, похоже, усмотрел в обращении Мао приглашение к тому, чтобы в интересах «взятия Формозы» спровоцировать «небольшой кризис» в отношениях с США. Не удивительно, что его ответ на обращение китайского лидера оказался сугубо негативным.

И.В. Ковалев вспоминает, что «китайская сторона» в это время попросила нас поддержать планируемое ею наступление на Тайвань советскими авиацией и подводными лодками. Когда 11 июля 1949 г. Сталин впервые принял Лю Шаоци, то дал развернутый ответ на этот вопрос.

Прежде всего он подчеркнул, что в результате войны экономике СССР нанесен колоссальный урон, страна опустошена от западных границ до Волги. Советская военная поддержка нападения на Тайвань будет означать столкновение с американскими авиацией и флотом, создаст предлог для развязывания новой мировой войны.

Сталин предложил тогда детально обсудить вопрос на расширенном заседании Политбюро ЦК ВКП(б) с участием военных и некоторых министров. Еще до этого заседания Лю Шаоци неоднократно связывался с Пекином и 27 июля 1949 г., когда такое заседание состоялось, заявил о согласии с аргументами Сталина и о том, что уполномочен отозвать обращения Политбюро ЦК КПК по Тайваню и Гонконгу⁴¹.

Здесь, прежде всего, хотелось бы остановиться на хронологии событий. Судя по содержанию телеграммы от 25 июля 1949 г., Мао Цзэдун впервые напрямую ставит вопрос о советской военной поддержке по Тайваню, косвенно ссылаясь на позитивные для себя высказывания Сталина о международной обстановке, сделанные советским руководителем до приезда Лю Шаоци в Москву и во время переговоров с ним. Мао ни словом

не упоминает о якобы уже прозвучавшем негативном ответе Сталина во время встречи с Лю Шаоци 11 июля 1949 г.

Можно предположить, что после того, как Сталин ознакомился с телеграммой Мао Цзэдуна от 25 июля 1949 г., он обсудил с Лю Шаоци тайваньский вопрос 27 июля⁴² и дал отрицательный ответ на просьбу Мао Цзэдуна о прямом советском военном содействии.

Вскоре после этого руководству КНР представилась возможность на деле проверить свою способность отбивать приморские острова у войск Чан Кайши полностью собственными силами. 24–27 октября 1949 г. НОАК втянулась в тяжелые бои с гоминьдановцами на острове Цзиньмэнь, расположенном в 5,5 морских милях от берега в районе г. Сямэнь (пров. Фуцзянь). В итоге НОАК потерпела болезненное поражение, потеряв убитыми около 10 000 человек⁴³.

Мао Цзэдуну пришлось вновь обратиться к данному вопросу во время личной беседы со Сталиным 16 декабря 1949 г. Горький опыт боев за Цзиньмэнь показал, что без прямого советского военного содействия проведение десантной операции против Тайваня является крайне проблематичным. По моему глубокому убеждению, в полной мере понять смысл этого обмена мнениями можно только в случае учета содержания диалога между Сталиным и Лю Шаоци, состоявшегося в Москве в июле 1949 г.⁴⁴

Вполне логично, что Мао Цзэдун начал переговоры с зондажа вопроса о том, не произошло ли изменений в подходах Сталина к оценке перспектив мировой войны по сравнению с теми, которые были сформулированы в ходе переговоров с Лю Шаоци. Советский лидер в очередной раз подтвердил свою позицию, сводящуюся к тому, что по своей инициативе «империалисты» конфликт не начнут.

Далее Мао Цзэдун прозондировал возможность реализации «минимального» варианта советского содействия — предоставления военно-морских и военно-воздушных вооружений и подготовки персонала для них. Сталин однозначно подтвердил свое согласие.

Наконец, Мао перешел к вопросу о «максимальном» варианте — задействовании советских «добровольцев» на советской военной технике. Такой вариант был для него явно предпочтительным. Характерно, что, памятуя о негативном ответе, который был дан Сталиным во время переговоров с Лю Шаоци, Мао преподнес это не как свою собственную идею, но как «мнение некоторых генералов». Ответ Сталина вновь оказался негативным. Далее он ясно дал понять, что главная причина этого — необходимость избежать «провоцирования конфликта с Америкой и Англией».

Таким образом, обнародованные в последнее время источники позволяют подтвердить содержавшиеся в интервью И.В. Ковалева сведения о том, что во время визита Лю Шаоци китайская сторона на самом деле обращалась к И.В. Сталину с просьбой об оказании прямого военного содействия для захвата Тайваня и получила отказ. Однако следует признать, что пока не представляется возможным однозначно подтвердить, что 27 июля 1949 г. в беседе со Сталиным Лю Шаоци «снял» китайские предложения по Тайваню.

В конце января 1950 г. в позиции Сталина по «тайваньскому вопросу» обозначились весьма существенные подвижки — теперь он стал опасаться, что Мао Цзэдун в результате изменения политики США сможет захватить Тайвань собственными силами, причем Соединенные Штаты не окажут режиму Чан Кайши прямой военной поддержки. Сталин обеспокоился тем, что вскоре могут быть нормализованы отношения между Пекином и Вашингтоном и Мао Цзэдун, таким образом, приобретет качественно больший «простор для маневра» в контактах с СССР. Подобные соображения, в конечном счете, привели к тому, что Сталин дал Ким Ир Сэну «добро» на вторжение в Южную Корею⁴⁵. Этот сюжет представляет самостоятельный интерес и не имеет прямого отношения к нашей истории.

Остановимся теперь на вопросе о предложении Гао Гана сделать Маньчжурию 17-й союзной республикой СССР (в качестве 16-й республики тогда в Советский Союз входила Карело-Финская ССР).

Как упоминалось ранее, по словам Ши Чжэ, Гао Ган был крайне недоволен тем, что Советский Союз после войны вывозил из Маньчжурии промышленное оборудование, хотел пожаловаться на это Сталину. Исходя из того, что Гао отстаивал китайские интересы даже по такому относительно второстепенному вопросу, Ши заключает, что Гао никак не мог выдвинуть перед Сталиным столь «антипатриотичное» предложение, как присоединение к СССР трех Северо-Восточных провинций Китая.

Здесь упоминается совершенно реальная и весьма болезненная проблема — вскоре после разгрома Квантунской армии СССР действительно начал в качестве военных трофеев вывозить из Маньчжурии все промышленное оборудование, которое могло прямо или косвенно использоваться для обеспечения нужд японской военной машины. Вывозу подлежал широкий круг предприятий, отнюдь не ограничивавшийся только оборонными заводами. Это вызвало сильнейшее недовольство китайской стороны, обвинявшей СССР в нарушении международного права и обязательств по двусторонним договорам⁴⁶.

Такое недовольство выражалось не только гоминдановскими властями, оно существовало и среди коммунистических союзников СССР. Последние не могли открыто критиковать «вождя всех времен и народов» и потому вынуждены были маскировать собственные взгляды ссылками на мнения неких «представителей демократических партий». В докладе, который Лю Шаоци направил Сталину 4 июля 1949 г., содержалась следующая критика в адрес подобных деятелей: «Относительно проблемы вывоза Советским Союзом машин и оборудования мы говорим, что они принадлежали японцам, что Советский Союз увез их в качестве военных трофеев для того, чтобы строить социализм, чтобы предотвратить их попадание в руки реакционеров, которые использовали бы их против китайского народа, что все это совершенно правильно»⁴⁷.

Одним из авторов этого доклада был Гао Ган. Вполне возможно, что он, как и другие руководители КНР, негативно относился к вывозу оборудования, но официально не мог себе позволить критиковать советское руководство.

С современной точки зрения, предложение Гао Гана о превращении Маньчжурии в 17-ю республику СССР представляется чудовищно непатриотичным. Мы, однако, не должны механически переносить нынешние воззрения на тогдашние времена.

Как вспоминает И.В. Ковалев, мотивируя это свое предложение, Гао Ган заявил, что «это обезопасило бы Маньчжурию от нападений со стороны американцев и превратило бы ее в еще более надежную базу для продолжения наступления на юг с целью окончательного разгрома Чан Кайши»⁴⁸. В те времена сильнейшее влияние на умы коммунистов (в том числе китайских) оказывала идеология пролетарского интернационализма. Национальные границы в рамках такого подхода представлялись понятием второстепенным, и казалось вполне естественным опереться на поддержку «братьев по классу», пожертвовать национальным суверенитетом ради конечной победы над империалистами.

Еще более глобальный интернационалистский подход был, например, продемонстрирован Мао Цзэдуном, когда, выступая 17 мая 1958 г. на втором пленуме ЦК КПК 8-го созыва он, в частности, заявил, что при отсутствии опыта в ядерных войнах неизвестно, сколько будет погибших. "Лучше всего, чтобы в живых осталась половина, похуже будет, если останется треть» населения земного шара. "Зато в обмен на это полностью уничтожим капитализм, добьемся вечного мира»⁴⁹. Ради победы над капитализмом Мао готов пожертвовать значительной частью не только населения Китая, но и всего мира!

Конечно же, не стоит преувеличивать степени влияния на Мао идей пролетарского интернационализма. Во второй половине 1950-х годов китайские руководители стали чрезвычайно резко реагировать на попытки СССР навязывать Пекину определен-

ные обязательства со ссылками на солидарность внутри «социалистического лагеря». Тем не менее, игнорировать влияние на лидеров КНР идей интернационализма и мировой революции, особенно в конце 40-х годов прошлого века, конечно же нельзя.

В своем интервью И.В. Ковалев сообщает, что после предложения Гао Гана о превращении трех провинций Северо-Восточного Китая в 17-ю союзную республику СССР, «встал Сталин и, обращаясь к Гао, сидевшему в первом ряду, сказал: «Товарищ Чжан Цзолин!» Все присутствовавшие были буквально потрясены таким обращением, ибо Чжан Цзолин был бандитом, который стал диктатором Маньчжурии, опираясь на поддержку японцев, и был ими уничтожен, когда попытался переметнуться на сторону американцев»⁵⁰.

Можно привести целый ряд свидетельств, прямо или косвенно доказывающих, что такой эпизод действительно имел место.

Прежде всего, заслуживает внимания следующий текст из книги А.М. Ледовского, посвященной Гао Гану: «В начале гражданской войны в Маньчжурии руководство КПК в целях мирного урегулирования предлагало гоминьдановскому правительству договориться о предоставлении Маньчжурии полной автономии или республики, связанной с Китаем на федеративных основаниях (так в тексте. — С.Г.) Гоминьдановским правительством это было отвергнуто. Впоследствии отказалось от нее и руководство КПК. Но среди местных коммунистов эта идея продолжала существовать. Сторонником ее был Гао Ган, хотя публично он с этой идеей не выступал. По свидетельству бывшего руководителя советскими специалистами в Маньчжурии тов. Ковалева, такая идея была высказана Гао Ганом И.В. Сталину. Он отверг ее, сказав то ли в шутку, то ли всерьез, что Гао Ган хочет стать вторым Чжан Цзолинем»⁵¹.

Ли Вэйминь в вышеупомянутой статье приводит отрывок из ранее нигде не публиковавшегося выступления генерала Чжан Минцюаня (в начале 1950-х годов служил на Северо-Востоке и имел прекрасные отношения с Гао Ганом) на состоявшемся 2 сентября 1959 г. в Центральном военном совете ЦК КПК собрании, посвященном критике Пэн Дэхуая. Генерал Чжан заявил тогда следующее:

«Есть еще и вопрос о связях с зарубежными странами: вскоре после освобождения Северо-Востока там действовал политический советник, которого звали Ковалев (советский заместитель министра железных дорог). Гао Ган излагал лично ему свои взгляды на китайскую компартию. Распространял очень много антипартийных суждений. Ковалев поэтому стал утверждать, что товарищи Лю Шаоци и Пэн Чжэнь не являются марксистами. Гао трижды ездил в Советский Союз, однажды ездил вместе с товарищем Лю Шаоци. После того, как возвратился, стал распространять многочисленные суждения, направленные против товарища Лю Шаоци. Говорил о том, как Сталин ценит его и как пренебрежительно относится к товарищу Лю Шаоци. Говорил, что Сталин сказал, будто он (т.е. Гао Ган. — С.Г.) является Чжан Цзолинем для Северо-Востока».

Получается, что в источнике, который был обнаружен через 20 лет после публикации интервью И.В. Ковалева, содержится еще одно весьма важное косвенное подтверждение того, что эпизод с предложением Гао Гана о 17-й союзной республике действительно имел место.

Следует отметить, что для Сталина и для Гао Гана фигура знаменитого «милитариста» Чжан Цзолина (1875–1928) могла выглядеть совершенно по-разному. С точки зрения советских интересов, он был однозначно негативным персонажем, поскольку постоянно пытался установить контроль над Китайской Восточной железной дорогой, «пригрел» в Харбине и других городах Северо-Востока многочисленных белых эмигрантов, которые осуществляли постоянные вылазки на границе с СССР. С точки зрения китайцев, Чжан Цзолин многое сделал для развития Маньчжурии. Он действительно обладал в этом регионе всей полнотой власти — но никогда не ставил вопроса об отделении от Китая и создании самостоятельного государства. В начальный период своего господства

на Северо-Востоке Чжан Цзолин действительно стремился опереться на японцев, но когда создал достаточно серьезные вооруженные силы, то стал противостоять им. Именно поэтому японские спецслужбы в 1928 г. подорвали поезд, на котором он ехал (существует, правда, и версия, что он был устранен спецслужбами СССР).

Потому для Гао Гана сравнение с Чжан Цзолинем, сделанное И.В. Сталиным, могло расцениваться как достаточно лестное, о чем не стыдно было рассказать друзьям и коллегам.

Однако самое убедительное свидетельство в пользу того, что Гао Ган действительно ставил вопрос о присоединении трех Северо-Восточных провинций Китая к СССР в качестве «17-й союзной республики», содержится в вышеупомянутой записи беседы, сделанной Ли Хайвэнь, которая цитируется в статье Ли Вэйминя и которую г-жа Ли передала мне во время встречи в феврале 2013 г. Там, в частности, сообщается следующее: «Однако же как раз после опубликования моей статьи Ши Чжэ во время беседы с одним из зарубежных гостей в моем присутствии признал, что Гао Ган говорил такие слова" (о 17-й союзной республике. — С.Г.). <...> Я не думала, что это дело будет впоследствии цитироваться столь многими людьми, что оно породит столь значительные последствия, поэтому не стала писать статью с исправлениями". Можно представить себе, как непросто было Ли Хайвэнь предоставить для опубликования материал, опровергающий один из опорных тезисов ее же статьи. Тем большего профессионального уважения заслуживает ее поступок, внесший серьезный вклад в установление исторической истины.

Из этого следует, что прав был китайский историк Гун Юйчжи, который еще в марте 1992 г. заявил в телефонном разговоре с Ли Хайвэнь о достоверности сведений, сообщаемых И.В. Ковалевым о «17-й республике».

Перейдем теперь к рассмотрению вопроса **об адресованном И.В. Сталину докладе И.В. Ковалева о положении в Китае.**

В своем интервью И.В. Ковалев следующим образом описывает драматическую ситуацию, сложившуюся вокруг этого доклада: «Последний смертельный удар был нанесен по Гао Гану во время визита Мао в Москву. Накануне визита я начал писать для Сталина подробный доклад о положении в Китае и завершил его уже в поезде. Там я сравнивал реальные действия Мао и его соратников по вопросам внутренней и внешней политики с теми советами, которые давал им Сталин. В этой связи я высказывал довольно острые замечания в адрес китайских руководителей. В феврале 1950 г., незадолго до отъезда Мао Цзэдуна из Москвы обратно в Пекин, я узнал о том, что Сталин передал Мао этот мой доклад, а также другие шифровки, в которых также были критические сообщения в адрес ЦК КПК. Это было бы еще полбеды, но он одновременно вручил Мао папки с информацией Гао Гана, которые тот посылал лично ему. Много позже факт передачи Сталиным Мао Цзэдуну этих документов подтвердил и А.И. Микоян. 25 июля 1967 г. в беседе со мной он сказал, что до сих пор не может найти объяснения и оправдания этому поступку Сталина, безусловно ставшему одной из причин последующих гонений на Гао Гана. Мне же с самого начала было ясно, что этот поступок Сталина фактически предreshает участь Гао Гана»⁵².

Передача китайской стороне этого доклада делала невозможной продолжение работы Ковалева в КНР. Этот эпизод оказался губительным для всей последующей карьеры первого советского министра путей сообщения.

Ши Чжэ в своих воспоминаниях следующим образом описывает события, связанные с данным докладом: «Ковалев и советник посольства, переводчик с китайского языка Федоренко прибыли в Москву вместе с делегацией (возглавляемой Мао Цзэдун. — С.Г.), иногда они приезжали для того, чтобы увидеться с Председателем по каким-то делам. Однажды, когда они приехали на дачу, Председатель Мао в разговоре с Ко-

валевым заявил: «Вы меня пригласили в Москву, но я здесь ничего не могу сделать, для чего я вообще сюда приехал? <...>».

<...> Неожиданно для нас после отъезда с дачи Ковалев написал пространное послание с клеветой на Китай. Как только Сталин получил это письмо, сразу же передал его нам. Он также сказал: «Это написал лично Ковалев, это отнюдь не наше поручение. Вы должны исходить из того, что он не занимается политикой, это всего лишь технический работник. Ему совершенно не следует внедряться в политику».

Позднее во время одной из бесед Мао Цзэдуна со Сталиным затронули вопрос о направлении специалистов. Председатель поинтересовался, не направят ли к нам Ковалева. Сталин моментально заявил: «Ковалев не специалист, не разбирается в созидательной деятельности, мы к вам направим зрелого и знающего специалиста»⁵³.

В дневниковой записи начальника личной охраны Мао Цзэдуна Ван Дунсина за 28 декабря 1949 г. также описан данный эпизод. «Во время беседы с Председателем Мао Сталин передал ему для ознакомления письмо, написанное Ковалевым — специалистом из системы железных дорог, которого Сталин командировал на Северо-Восток. <...> Сталин сказал: «Это письмо Ковалев написал самостоятельно, мы ему не поручали. Он не занимается политикой, всего лишь является техническим работником, ему не стоит вторгаться в политику»⁵⁴.

Китайские авторы указывают, что Ковалев написал свой критический доклад как бы «в отместку» за то, что его отругал Мао Цзэдун. Сталин от этого доклада отмежевался и передал его Мао с тем, чтобы укрепить взаимное доверие. Мао заподозрил, что материалы для документа были переданы кем-то из руководства КПК (явный намек на Гао Гана).

Ли Цзе в своей статье выражает полное согласие с версией, приведенной Ши Чжэ, и подчеркивает, что в докладе Ковалева ситуация в КНР и в компартии Китая была преподнесена в совершенно извращенном свете⁵⁵.

Доклад И.В. Ковалева, датированный 24 декабря 1949 г., действительно был выдержан в исключительно критических в отношении политики КПК тонах⁵⁶. В начале практически каждого из разделов документа И.В. Ковалев цитирует «советы», дававшиеся Сталиным китайским коммунистам по тем или иным вопросам, и затем доказывает, что последние не следуют этим советам. И.В. Ковалев особенно резко упрекает некоторых китайских руководителей за «пробуржуазные и проамериканские тенденции», причем самых жестких оценок за «неправильные действия» во внутренней политике удостоены Лю Шаоци и Бо Ибо, а во внешней политике — Чжоу Эньлай. Единственной однозначно положительной фигурой в докладе выставлен Гао Ган. В докладе отсутствовали какие бы то ни было критические замечания в адрес Мао Цзэдуна.

Судя по всему, Сталин отмежевался от одобрения или инициирования документа, но ни разу не сказал прямо Мао Цзэдуну, что он не согласен с тем, или иным тезисом, сформулированным И.В. Ковалевым.

Достаточно взвешенный и углубленный анализ ситуации вокруг доклада Ковалева приводится в упоминавшейся выше статье Ли Вэйминя:

– в докладе Ковалев проявил себя как истинный сталинист, оценивавший происходящее в Китае с крайне левацких позиций. Сталин, скорее всего, мог быть несогласен с частностями в этом документе, но в основном разделял высказанные советским представителем опасения и критические оценки;

– передавая доклад Мао Цзэдуну, Сталин стремился чужими руками предостеречь его от проведения «ошибочной политики»;

– внимательно изучив доклад, Мао Цзэдун в основном согласился с содержащимися в нем обвинениями в адрес Лю Шаоци, Бо Ибо и Чжоу Эньлая в «буржуазном уклоне» и «проамериканизме». Мао отнюдь не смутило то, что источником информации для Ковалева послужили секретные сведения, сообщенные Гао Ганом. В начале 1950-х

годов Мао Цзэдун многократно прямо поддерживал критику со стороны Гао Гана в адрес Лю Шаоци и Бо Ибо, выдержанную вполне в духе доклада Ковалева.

В вопросах политической борьбы Мао Цзэдун всегда был величайшим прагматиком, лишенным каких-либо сантиментов или предубеждений. Он всерьез прислушивался к самым резким и обидным критическим замечаниям иностранцев о ситуации в КПК и в случае, если считал их здравыми, использовал как руководство в выработке собственной линии в схватке за власть. Подобное, судя по всему, произошло и в апреле 1969 г., во время IX съезда КПК. Мао тогда всерьез воспринял критические утверждения советской пропаганды о формировании в КНР «военно-бюрократической диктатуры», пришел к выводу, что в связи с этим настало время ограничить всевластие военной группировки во главе с Линь Бяо⁵⁷.

Объективно доклад И.В. Ковалева сыграл в истории КНР негативную роль, став одним из множества факторов, закреплявших в этой стране “левацкие,” “сталинистские” тенденции. В присущей ему манере Сталин хладнокровно пожертвовал автором доклада, с тем чтобы в прямой и жесткой форме, без дипломатических церемоний довести до Мао свои “политические пожелания”.

В середине 1960-х годов критика Лю Шаоци как лидера “группы предателей, идущих по капиталистическому пути” (каппутистов) стала одной из идеологических доминант развязанной Мао Цзэдуном “культурной революции”.

Вряд ли можно согласиться с мнением, что передача Сталиным Мао Цзэдуну доклада Ковалева предопределила трагическую судьбу последнего. В первой половине 1950-х годов отношение Мао Цзэдуна к Гао было вполне позитивным, что выражалось в назначении его на все более высокие партийные и государственные посты. Даже после развертывания официальной критики в адрес Гао Гана (явившейся результатом того, что Гао потерпел поражение в схватке с объединившейся против него группировкой во главе с Лю Шаоци и Чжоу Эньлаем), Мао Цзэдун отнюдь не считал его конченным человеком, пытался обеспечить его перевод на руководящую работу на Северо-Востоке Китая. Его отношение к Гао Гану резко изменилось только 17 февраля 1954 г., когда он впервые попытался покончить жизнь самоубийством. Мао считал самоубийц людьми безвольными и бесполезными. После этого он приказал более не напоминать ему о переводе Гао Гана на Северо-Восток и передал его в полное распоряжение политических противников⁵⁸. Интересно, что спустя почти два десятилетия после гибели Гао Гана Мао испытывал к нему самые позитивные личные чувства⁵⁹.

О вывешивании портретов Сталина и Мао Цзэдуна на Северо-Востоке КНР. Как упоминалось в начале данной статьи, г-жа Ли Цзе в своем материале утверждает, что не могло быть ситуации, когда по распоряжению Гао Гана в Маньчжурии вывешивали только портреты Сталина, практически не вывешивая портреты Мао Цзэдуна.

Для восстановления истины придется привести две пространные цитаты — сначала из интервью Ковалева, а затем — из архивного документа того времени.

В интервью Ковалева говорится следующее: «В сентябре 1949 г. к Мао Цзэдуну прибыла делегация миллионеров из Гонконга и стала просить позволить совершить поездку в Маньчжурию. Мао согласился, и после поездки миллионеры снова прибыли к нему доложить о впечатлениях. В Маньчжурии им, вобщем, понравилось, говорили, что там порядок в отличие от хаоса гоминдановского Юга.

Вместе с тем, гонконгцы заявили, что хоть в Маньчжурии и порядок, но все там как-то не по-китайски, а скорее, как у северного соседа. Больше всего их поразило то, что совсем не увидели на Северо-Востоке портретов Мао, а только одни портреты Сталина. Мао, услышав это, страшно разгневался и в тот же день вызвал Гао Гана для участия в заседании Политбюро ЦК КПК. Единственным вопросом в повестке дня стал «вопрос о портретах».

Следует признать, что гонконгские капиталисты сказали правду — во всех учреждениях, на предприятиях, на фасадах домов в Маньчжурии висели портреты Сталина, а портретов Мао почти не было видно. Сталинские изображения были во многих случаях совсем на него не похожи, он там был изображен с восточными, китайскими чертами лица — но все, конечно, знали, кто это такой.

История этого вопроса такова. Еще в конце 1948 г. группа работников советского документального кино, посетивших перед этим Албанию, а затем прибывших в Китай, высказывала свое разочарование тем, что в Мукдене после прихода к власти коммунистов не видно портретов Сталина. Под влиянием подобных замечаний Гао Ган велел изготовить портреты и вывесить их на зданиях в Мукдене и других городах Маньчжурии. Возможно, одновременно он так выражал свое недовольство Мао.

Заседание Политбюро продолжалось до поздней ночи, и примерно часу в четвертом зашел ко мне Гао Ган, с возмущением стал рассказывать о том, что там произошло. Первым выступил Лю Шаоци и обрушился на Гао с резкой критикой. Он напомнил о московском предложении Гао Гана сделать Маньчжурию 17-й советской республикой и соединил это с отсутствием портретов Мао. После этого выступил Чжоу Эньлай, который обвинил Гао в предательстве китайского народа, в стремлении передать Маньчжурию СССР. Он предложил вывести Гао из состава членов Политбюро и вообще из ЦК КПК. Помню, Гао Ган тогда был особенно огорчен позицией Чжоу, которого считал своим лучшим другом. Мао Цзэдун своего личного мнения не высказывал и просто проголосовал за резолюцию, в которой осуждалась «линия Гао Гана» и предлагалось снять сталинские портреты по всему Китаю.

После ухода Гао я долго не мог уснуть, настроение у меня резко испортилось. В конце концов, решил срочно доложить об этом в Москву.

На следующий день стали ко мне ходить китайские представители, в том числе Лю Шаоци, с объяснениями по поводу портретов. Говорили, что решили их снять по причине плохого качества. В конце концов, хоть я и не хотел, пришлось объясняться по этому поводу с Мао Цзэдуном. Мы с ним договорились, что портреты Сталина не будут снимать в советских воинских учреждениях, в смешанных советско-китайских учреждениях, а также в китайских партийных и комсомольских комитетах.

На другой день пришла телеграмма от Сталина. Он поддержал линию Мао Цзэдуна и Лю Шаоци, осудил Гао Гана. Меня это тогда очень поразило. По прошествии времени я стал лучше понимать происшедшее. Я ведь отлично по своему опыту знал, что Сталин людей, или лучше сказать, по его мнению, людишек, воспринимал только кучно, как муравьиную массу, а не как личностей. Для него люди были только средством в политической игре. Он бросил тогда Гао Гана, который искренне был ему предан, на произвол судьбы, потому что в тот момент счел более важным для себя хорошие отношения с Мао. Я с этой телеграммой пошел к Мао Цзэдуноу, однако ту ее часть, где Сталин осуждал Гао Гана, читать ему не стал. Каким-то образом кто-то об этом пронюхал и сообщил в Москву. День спустя оттуда поступил грозный запрос. Мне снова пришлось идти к Мао и на сей раз довести до него весь текст. Мао был очень доволен подобным дополнением...»⁶⁰.

Полагаю, что окончательную ясность в данный сюжет позволяет внести рассекреченный советский архивный документ, в котором говорится следующее:

«ВОПРОС О ВЫВЕШИВАНИИ В КИТАЕ ПОРТРЕТОВ ЛЕНИНА И СТАЛИНА

11 октября 1949 г. т. Сталин сообщал Ковалеву:

В вопросе о вывешивании портретов Ленина и Сталина товарищ Гао Ган не прав, а Лю Шао-ци, Чжоу-Энь-лай (так в тексте. — С.Г.) и другие товарищи безусловно

правы. Это так элементарно, что я удивляюсь, как могли возникнуть разногласия по этому вопросу.

По вопросу о демократических партиях в Китае и необходимости считаться с их лидерами, товарищ Гао Ган также не прав, а товарищи Чжоу Энь-лай и Лю Шао-ци безусловно правы.

Разъясните все это Гао Гану, разъясните также Лю Шао-ци и другим товарищам. Вообще должен сказать, подчеркнул Сталин, что чем меньше будет портретов Ленина и Сталина в Китае, тем лучше.

Телеграмма Ковалева Сталину по указанному вопросу.

10 октября 1949 г. Ковалев писал:

Ко мне зашел Гао Ган и в беседе снова затронул вопрос о порядке вывешивания портретов. Он сказал, что имел беседу по этому вопросу с Лю Шао-ци, Чжоу Энь-лаем, Чжу Дэ и Мао Цзэ-дуном. О мотивах принятия решения о порядке вывешивания портретов Мао Цзэ-дун сказал следующее:

Сейчас не время широко вывешивать портреты Ленина и Сталина, так как повсеместное использование их используется реакционными элементами против нас. Придет время, заявил Мао Цзэ-дун, и тогда портреты Ленина и Сталина мы вывесим повсеместно.

Вчера, писал далее Ковалев Сталину, Мао Цзэ-дун подписал телеграмму, адресованную Бюро ЦК КПК по Маньчжурии, в которой говорится, что портреты Ленина и Сталина следует вывешивать во всех партийных учреждениях, местах расположения советских войск, в советских школах, в местах компактного проживания советских граждан, в пределах КЧЖД (полосы отчуждения), а также в помещениях общества советско-китайской дружбы.

Говоря о том, что побудило Мао Цзэ-дуна дать такое указание, Гао сказал, что буржуазный демократ и крупный капиталист Чэн Цзя-чэн (так в тексте, скорее всего имеется в виду Чэнь Цзягэн)⁶¹, член правительства КНР, в докладе о своей поездке в Маньчжурию, демагогично заявил ему, Мао Цзэ-дуну, что в Маньчжурии Мао Цзэ-дуна как вождя не признают, его портретов не вывешивают. Чэн Цзя-чэн, рассказывая об этом Мао Цзэ-дуну, заплакал.

По словам Гао Гана, с Мао Цзэ-дуном говорили по этому вопросу Лю Шао-ци и Чжоу Энь-лай. Содержание этого разговора Гао Ган не знает. В результате была критика по адресу Гао Гана, хотя без упоминания его имени.

Гао Ган сказал, писал Ковалев, что со мной по этому вопросу собирается говорить Лю Шао-ци.

Ковалев сообщил в своем донесении Сталину, что он вслед за телеграммой передает Решение ЦК КПК о порядке вывешивания портретов, присланное ему из ЦК КПК, с просьбой разъяснить это решение советским товарищам»⁶².

Полагаю, что из сопоставления этих двух текстов можно сделать следующие совершенно очевидные выводы:

– «история с вывешиванием портретов» в Маньчжурии действительно имела место и утверждения Ли Цзе, отрицающие достоверность сообщения о ней в интервью И.В. Ковалева, являются несостоятельными;

– в указаниях Сталина Ковалеву содержалось два пункта (о вывешивании портретов и об отношении к лидерам демократических партий). Теоретически можно предположить, что первоначально Ковалев (как он сообщает в интервью), дабы «прикрыть» Гао Ган довел до Мао только вопрос о демократических партиях, умолчал о «портретном вопросе». Если честно, то я плохо себе представляю, как советский представитель мог осмелиться не выполнить полностью указание Сталина;

– И.В. Ковалев в интервью, похоже, чрезмерно заостряет и драматизирует китайскую критику по данному вопросу в адрес Гао Гана. В материалах 1949 г. не упоминается ни заседание Политбюро, ни угрозы вывести Гао Гана из ЦК КПК. Выясняется, что в

процессе критики фамилия Гао Гана вообще не называлась. Возможно, что на И.В. Ковалева здесь косвенное влияние оказала советская пропаганда 60-х — начала 80-х годов, в которой Гао Гана пытались представить как одного из лидера «здоровых сил», которого «маоисты» погубили за близость к СССР;

– в интервью Иван Владимирович несколько завышает свою роль в вопросе о принятии решения о вывешивании портретов. Из материала 1949 г. следует, что такое решение отнюдь не было итогом его договоренности с Мао Цзэдуном, но было принято ЦК КПК самостоятельно.

О контактах Гао Гана с Советским Союзом. Ли Цзе в своей статье категорически опровергает сообщения о том, что Гао Ган передавал советским представителям закрытые сведения о ситуации в КНР и компартии Китая. Однако существует достаточно высказываний китайских лидеров относительно несанкционированных связей Гао Гана с СССР. В официальных документах такие обвинения в то время не обнародовались, дабы не бросить тень на «братские и дружественные» отношения, существовавшие тогда между Пекином и Москвой⁶³. В последнее время обнародовано немало бесед китайских представителей с советскими относительно “дела Гао Гана”. Мао Цзэдун знал о том, что Гао Ган снабжал советскую сторону закрытыми материалами, по крайней мере, со времен своей поездки в Москву в декабре 1949 — январе 1950 гг. Похоже, Мао Цзэдуна все это не слишком волновало, пока информация Гао Гана затрагивала только позиции Лю Шаоци, Бо Ибо и других деятелей, которые и с точки зрения самого Мао нуждались в критике. Все моментально изменилось, как только Мао ощутил, что эта деятельность Гао Гана, возможно, угрожает его собственным позициям.

Полагаю, что приведенные выше факты позволяют сделать вывод об исторической достоверности опубликованного в 1991 г. интервью с И.В. Ковалевым.

1. Диалог Мао Цзэдуна со Сталиным (интервью с личным представителем И.В. Сталина в Китае И.В. Ковалевым) // Проблемы Дальнего Востока. 1991. № 6. См. также: Гончаров С.Н. О Китае средневековым и современным: Записки разных лет / Под общ. ред. акад. А.А. Кокошина, вступ. ст. акад. В.С. Мясникова. Новосибирск: Наука, 2006. С. 283–309.
2. *Ши Чжэ*. Рядом с великанами истории: Воспоминания / ред. Ли Хайвэнь. Пекин: Изд-во документации ЦК КПК, 1991. 614 С.
3. Это заключение Ли Хайвэнь является неоспоримым. Однако для меня остается загадкой, как мог Ши Чжэ перепутать даты отъезда — ведь с днем отъезда делегации во главе с Лю Шаоци в Китай в его воспоминаниях связана целая история. Ши Чжэ рассказывает, что как только автомобиль, в котором он ехал вместе с Ковалевым, выехал из ворот Чжуннаньхая, Ковалев сказал, что согласно российским поверьям все дни, на которые приходится первое число являются несчастливими. Вскоре после этого их машина попала в дорожное происшествие, что задержало их на несколько часов (*Ши Чжэ*. Рядом с великанами истории. С. 393).
4. Гун Юйчжи (1929–2007) — проректор Партишколы ЦК КПК, первый руководитель Кабинета по изучению истории партии ЦК КПК, считается одним из наиболее авторитетных специалистов по истории китайской революции и истории компартии Китая.
5. Здесь допущена неточность: я приехал в эту командировку в июле 1993 г.
6. В штатном расписании российского Посольства в Пекине нет должности советника по политическим вопросам. Согласно утвержденному послом И.А. Рогачевым распределению обязанностей, за мной были закреплены такие сферы, как экономическое, военно-техническое и научно-техническое сотрудничество.
7. Пи Шэнхао говорил, что если в Советском Союзе опубликуют подлинные исторические документы по истории КНР, содержание которых может потенциально навредить интересам этой страны, то в Пекине всегда найдут способ доказать, что это — подделка, на которую не стоит обращать внимания.

8. Андрей Иванович Денисов курировал тогда в Посольстве вопросы двусторонних российско-китайских отношений и все вопросы, связанные с политической и экономической ситуацией в КНР.
9. Такая неприязнь проявлялась, в частности, в том, что Ши Чжэ в своих воспоминаниях приводит весьма неелестные слова Сталина о Ковалеве. (*Ши Чжэ*. Указ. соч. С. 393). В свою очередь И.В. Ковалев не доверял Ши Чжэ. (*Гончаров С.Н.* Указ. соч. С. 294).
10. *Ли Хайвэнь*. Визиты в СССР Мао Цзэдуна и Лю Шаоци, а также некоторые вопросы взаимоотношений между компартиями Китая и Советского Союза // *Личности*. 1993. С. 90.
11. Там же.
12. *Goncharov S.N., Lewis J.W., Xue Litai*. Uncertain Partners: Stalin, Mao and the Korean War. Stanford: University Press, 1993.
13. *Ли Цзе*. Истории, которые сфальсифицировали Ковалев и Хань Суинь // *Янь Хуан Чуньцю*. 2012. № 7.
14. *Ли Вэйминь*. Альтернативная оценка доклада И.В. Ковалева и интервью с ним // *Янь Хуан чуньцю*. 2013. № 1.
15. *Гончаров С.Н.* Указ. соч. С. 284.
16. См.: *Документы и материалы*. Т. 5, кн. 2. С. 88–89.
17. *Ледовский А.М.* СССР и Сталин в судьбах Китая: Документы и свидетельства участника событий, 1937–1952. М.: Памятники исторической мысли, 1999. С. 48, 79.
18. *Документы и материалы*. Т. 5, кн. 2. С. 11.
19. *Гончаров С.Н.* Указ. соч. С. 285; *Хронологическая биография Ван Цзясяна (1906–1974 / сост. Сюй Цзэхао*. Пекин: Изд-во документации при ЦК КПК, 2001. С. 364.
20. Цит. по: *Ледовский А.М.* СССР и Сталин в судьбах Китая С. 58.
21. *Документы и материалы*. Т. 5, кн. 2. С. 66, 72, 78, 81.
22. Там же. С. 104.
23. См.: *Гончаров С.Н.* Указ. соч. С. 285.
24. *Документы и материалы*. Т. 5, кн. 2. С. 107–109, 116–120, 120–121, 126–127, 128–131, 132–134б 136–138, 141–147, 148.
25. *Ли Хайвэнь*. Указ. соч. С. 90.
26. Записи секретарей Сталина, связанные с делегацией Лю Шаоци // *Избранные архивные документы по истории СССР / гл. ред. Шэнь Чжихуа*. Пекин: Изд-тво документации по обществ. наукам, 2000. Т. 20. С. 724, 729, 731; *Ледовский А.М.* СССР и Сталин в судьбах Китая. С. 85; *Документы и материалы*. Т. 5. С. 148, 163.
27. *Хронологическая биография Мао Цзэдуна (1893–1976)*. Т. 2. С. 541; *Хронологическая биография Ван Цзясяна (1898–1969)*. С. 374; *Хронологическая биография Лю Шаоци*. Пекин: Изд-во документации ЦК КПК, 1996. Т. 2. С. 220.
28. *Документы и материалы*. Т. 5, кн. 2. С. 192–194.
29. Там же. С. 195–196.
30. См.: *Хронологическая биография Мао Цзэдуна (1949–1976) / сост. Фэн Сяньчжи, Фэн Хуэй*. Пекин: Изд-во документации при ЦК КПК, 2013. Т. 1. С. 41.
31. *Ледовский А.М.* СССР и Сталин в судьбах Китая. С. 81.
32. *Ледовский А.М.* Дело Гао Гана — Жао Шуши. М.: АН СССР, Ин-т Дальнего Востока, 1990. С. 65–66.
33. Можно предположить, что у А.М.Ледовского вполне могли быть серьезные причины для личной неприязни к И.В. Ковалеву. В 1948–1949 гг. А.М. Ледовский являлся Генеральным консулом СССР в Шэньяне, а И.В. Ковалев в то время был личным представителем Сталина в данном регионе и не считал необходимым считаться с работавшим здесь официальным дипломатическим представителем.
34. *Хронологическая биография Мао Цзэдуна (1893–1976)*. Т. 1. С. 42.
35. Эти беседы проходили 22 дек. 1949 г. и 1 янв. 1950 г. (Там же. С. 62, 67–68).
36. *Ледовский А.М.* СССР и Сталин в судьбах Китая. С. 88–103; *Собрание документов Лю Шаоци, начиная с основания государства, июль 1949 года — март 1950 года*. Пекин: Изд-во документации ЦК КПК, 1998. Т. 1. С. 2.
37. “*Документы и материалы*. Т. 5, кн. 2. С. 171–172; *Ледовский А.М.* СССР и Сталин в судьбах Китая. С. 108.
38. *Гончаров С.Н.* Указ. соч. С. 288–289.

39. Собрание документов Лю Шаоци, начиная с основания государства. Т. 1. С. 27–28.
40. Аналогичные оценки Сталиным стратегической ситуации в тот период см.: Сто сорок бесед с Молотовым: Из дневника Феликса Чуева. М.: Терра, 1991. С. 81–85.
41. *Гончаров С.Н.* Указ. соч. С. 289.
42. В книге Бо Ибо говорится: «27 (июля) Лю Шаоци, Гао (Ган) и Ван (Цзясян) обсудили военные планы со Сталиным, Бугганиным и Василевским» (*Бо Ибо.* Воспоминания о некоторых важных решениях и событиях. Пекин: Народ. изд-во, 1997. Т. 1. С. 38. В воспоминаниях Ши Чжэ (С. 410–415) нет ни слова о том, что 27 июля 1949 г. обсуждалась тайваньская проблема.
43. Народно-освободительная армия Китая в современную эпоху / Гл. ред. Чжан Айпин. Пекин: Китай в современную эпоху, 1994. Т. 1. С. 66–67.
44. Документы и материалы. Т. 5, кн. 2. С. 229–232. См. также: Запись беседы товарища Сталина И.В. с председателем Центрального народного правительства Китайской Народной Республики Мао Цзэдуном 16 декабря 1949 г. // Китайско-советские отношения: собр. оригинальных документов из рос. архивов. Т. 7: с 20 окт. 1949 г. по 26 янв. 1950 г. (Документы сохранены Шэнь Чжихуа и Ли Даньхуэй) // Международ. центре по изучению истории холодной войны Восточно-китайского пед. ун-та. С. 01573—01577.
45. Вплоть до самого конца января 1950 г. Сталин последовательно отвергал просьбы Ким Ир Сена оказать содействие в организации нападения на Южную Корею. 30 января 1950 г. Сталин впервые отправил Ким Ир Сену зашифрованную телеграмму, в которой «изъявлял готовность принять Ким Ир Сена и побеседовать с ним «по этому делу» // *Гончаров С.Н.* Указ. соч. С. 261.
46. См. например.: *Сюе Сяньтянь.* История китайско-советских отношений в период Республики (1917–1949). Пекин: Изд-во истории партии. Т. 3. С. 74–82.
47. Собрание документов Лю Шаоци, начиная с основания государства. Т. 1. С. 16.
48. *Гончаров С.Н.* Указ. соч. С. 290.
49. Да здравствуют идеи Мао Цзэдуна. Токио: Изд-во Комментариев на темы современности, 1974. С. 280. (Ксерокопия китайского издания 1969 г.).
50. *Гончаров С.Н.* Указ. соч. С. 290.
51. *Ледовский А.М.* Дело Гао Гана — Жао Шуши. С. 30.
52. См.: *Гончаров С.Н.* Указ. соч. С. 293.
- 293 Аналогичная информация содержится в воспоминаниях Н.С. Хрущева и Бо Ибо, увидевших свет задолго до опубликования интервью И.В. Ковалева // Там же. С. 307–308.
53. *Ши Чжэ.* Рядом с великанами истории. С. 437–438.
54. Дневник Ван Дунсина. Пекин: Изд-во «Современный Китай», 2010. С. 127–128.
55. *Ли Цзе.* Истории, которые сфальсифицировали Ковалев и Хань Суинь. С. 27.
56. Документы Мао Цзэдуна, начиная с основания государства. Пекин: Изд-во документации при ЦК КПК, 1987. Т. 1. С. 131; Документы и материалы. Т. 5, кн. 2. С. 234–243; Китайско-советские отношения: собрание оригинальных докум. из рос. архивов. Т. 7. С. 01582–01589.
57. *Цю Хуэйцзо.* Воспоминания. Гонконг: Изд-во «Новый век», 2011. Т. 2. С. 654–656.
58. *Ли Вэйминь.* Указ. соч. С. 85.
59. Ли Чжисуй — личный врач Мао Цзэдуна вспоминает, что Мао очень интересовался личной жизнью «маньчжурского царя» Гао Гана. (*Ли Чжисуй.* Воспоминания личного врача Мао Цзэдуна. Тайбэй: Изд-во «Культура» газеты «Шибао», 1994. С. 141–142.
60. *Гончаров С.Н.* Указ. соч. С. 291–292.
61. Чэнь Цзягэн (Tanh Kah Kee) (1874–1961) — крупнейший китайский бизнесмен, заработавший состояние в Юго-Восточной Азии. Энергично поддерживал компартию Китая, после 1949 г. занимал в КНР целый ряд руководящих постов.
62. Китайско-советские отношения: собрание оригинальных документов из российских архивов. Т. 6 (5 февр. 1948 г. — 16 окт. 1949 г.). С. 01477–01478.
63. *Ли Вэйминь.* Указ. соч. С. 84.